В начале 1935 г. отец перешел на работу в Книжную палату, а в январе 1936 г. был репрессирован. Его книга, которую уже набирали в типографии, была в связи с арестом отца изъята. Сначала отец был сослан на три года в Турт-Куль, где работал в редакции местной газеты. Но затем он был возвращен в Москву Ежовым и тут же отправлен в лагерь в Магадан, где скончался от туберкулеза легких в 1941 г.

Через тридцать лет, в 1966 г., книга «Диалектический метод Гегеля» была отдана мною в Институт философии АН СССР. Ее рецензировал Э. В. Ильенков, который расценил эту книгу как «очень квалифицированный труд, ни в коей мере не устаревший и заслуживающий опубликования». Однако тогдашние руководители института, в том числе профессор М. М. Розенталь, «добра» на публикацию этой книги не дали. Я рада, что хотя бы часть ее благодаря «Историко-философскому ежегоднику» возвратится к читателям из уже далекого и страшного прошлого, стоившего жизни моему отцу и миллионам других людей.

В. Э. Понтович

ОТРИЦАНИЕ ОТРИЦАНИЯ В ФИЛОСОФСКОМ МЕТОДЕ ГЕГЕЛЯ

Э. Э. Понтович

В новейших трудах, посвященных Гегелю, обстоятельно выясняется обостренность внимания юного Гегеля к фактам исторической жизни, его интерес к конкретному, соединенный со стремлением к систематизации [1]. Не только ранние произведения, посвященные вопросам теологии и политики, но и труды зрелого возраста, такие, как «Философия права», «Лекции по эстетике», «Философия истории» и др., показывают, что интерес к конкретному не исчезал, а с течением времени развивался. «Его самого, — говорит про Гегеля Плеханов, — не удовлетворяли добытые им результаты, и он часто вынужден был с туманных высот идеализма спускаться на конкретную почву экономических отношений» [2]. Придав своей философии абстрактную внешность, одев ее в кантовские, фихтевские, шеллинговские одежды, Гегель вместе с тем в практическом осуществлении своих задач обнаруживал неуклонное стремление к конкретному. Не кто иной, как Гегель, сказал (во введении к своей истории философии), что абстракция — главный враг философии, что путь ее развития есть путь к конкретному [3]. Стремление к реальности — отличительная черта гегелевского идеализма. Гегель утверждал даже, что противоположение идеалистической и реалистической философии лишено смысла (Log. I, 145).

Логика открывается, как известно, метафизической категорией *бытия*. Мысль обращается к бытию как к непосредственности и сама выступает в качестве простой положительной непосредственности. Но в этой своей непосредственности мысль противо-

стоит миру непосредственных ощущений и чувств своим формализмом, абстрактностью, отсутствием определенного содержания. Чистое бытие есть определенность, в которой, однако, еще нет никаких определений. Это — определенность неопределенности, определенность пустоты.

Все многообразие реального чувственного мира сведено в чистой мысли к единству, которое при всей своей неопределенности выступает как бытие, но есть на самом деле его отрицание. В своей непосредственности это последнее есть *ничто* (Log. I, 66; Enz. § 86). Так выясняется, что бытие не есть простая положительная определенность, что в нем заключено отрицание и что само единство бытия есть отрицательное единство. Открывается, что точка зрения «бытия», хотя в ней есть стремление к синтетическому содержанию многообразия мира, означает *уход* в область абстрактного единства мира.

В момент, когда *бытие* переходит в *ничто*, обнаруживается недостаточность принципа бытия, раскрывается его отрицательная природа — уход от конкретного положительного мира. Но *ничто* отнюдь не означает для Гегеля полного *уничтожения* бытия. Это последнее сохраняется, ибо в ничто обращается не сама всеобщность бытия, не само его единство, но только их неопределенность, неподвижность и замкнутость. Между бытием и ничто возможен поэтому синтез, в котором должна раскрыться истина обоих, сочетающая в себе всеобщность и единство, заключенные в принципы бытия, и их отрицание, заключенное в ничто. Истина состоит в *становлении*, в котором обнаруживается положительная природа ничто — сокрытое в нем утверждение многообразия, направленное против отрицательного единства бытия. Становление есть возникновение и уничтожение, «бытие в ничто и ничто в бытии» (Log. I, 67).

Становление не содержит в себе ничего иного, кроме общего утверждения принципа движения. Принимая этот принцип, мы можем здесь последовать совету Энгельса и не останавливаться «чересчур долго» на «бытии» и «ничто» как логических категориях, предшествующих в логике становлению. Но если мы обратимся, следуя и в этом случае совету Энгельса [4], к лекциям Гегеля по истории философии, то увидим, что чисто логическое движение нашло для себя здесь своеобразное историческое изображение. Мы увидим, что бытие, ничто, становление суть не категории только, но и своего рода исторические события.

Гегелевское «бытие» представляет непосредственное выражение того, что в формальной логике известно под именем «закона тождества». «Это — первое, к чему приходит рассудок», — говорит Гегель (Ист. филос. I, с. 214). Когда же и как произошло погружение человеческого сознания «в бездну абстрактного рассудочного тождества»? Гегель связывает этот момент с возникновением элейской школы, с Ксенофаном и Парменидом, философия которых явилась первым протестом против пребывания в чувственности. «Греки имели перед собою лишь чувственный мир, мир созданных

фантазией богов, и не находили в этом удовлетворения...» Наступил момент, когда «они отбросили все это как неистинное и пришли таким образом к чистой мысли». Отрицая чувственное познание, с иронией говорит Ксенофан:

Если бы львы и быки проворные руки имели,
Чтобы, как люди, творить произведенья искусства,
Стали б они, создавая богов, такое ж обличье
Им придавать, каковым и сами они обладают...

И далее:

Все Гесиод и Гомер и великим богам приписали,
Все, что люди позором клеймят и бесчестьем считают:
Обоюдный обман, воровство и прелюбодеянье...
Ист. филос. I, с. 218

В ином стиле ведет борьбу с чувственным познанием Парменид:

То, что думает смертный, зависит от формы смешенья
Органов, полных обмана; ибо в одном коренится
То, что во всех размышляет людях и в каждом отдельно:
В свойствах их органов. Мысль, бесспорно, есть многое нечто.
Там же, с. 225

Фемида и Дике открывают Парменида «всю правду о необорном сердце истины несокрушимой и о том, каковы легковесные мнения смертных».

Мысль ты свою не пускай на эту дорогу познанья,
Не позволяй, чтоб тебе накопившая опыт привычка
Веру внушала лишь в то, чему учат нас лживое зренье,
Гулом наполненный слух и язык. Только разумом должен
Ты проверять осторожно все то, что ныне поведать
Я собираюсь тебе...
Там же, с. 221

Парменидовское тожество лежит в основании абстрактного мышления. Элеаты, поднявшись над миром греческой чувственности, провозгласили единство разума, которое, однако, явилось не более как простой непосредственностью рассудка, абстракции. Все то, что выходит за пределы этого тожества все, что возникает и уничтожается, было объявлено несуществующим.

Любопытен момент появления этого «ничто»: оно явилось вместе с «бытием» как его другое, необходимо с ним связанное. Платон в диалоге «Парменид», разъясняя *одно*, которому не причастно ни подобие, ни какое-либо качество, ни количество, ни время, ни сущность, легко обращает его в *ничто*, чтобы затем воскресить как *одно* и *многое* (Parm. 140 b—142 b) [5].

Так мысль в качестве положительной непосредственности оказалась простым отрицанием непосредственности, пустотой. Замечательно при этом, что, утверждая себя, мысль квалифицировала

в качестве «ничто» не себя, а реальный мир со всеми его изменениями.

«Вселенная неизменна, — говорил Парменид, — ибо, признав изменения, мы признали бы небытие того, что существует, а лишь бытие существует». Таким образом, уже в первоначальном элейском тожестве обнаруживается некоторое движение: «единое» Парменида было не только утверждением единства, но и отрицанием его иного — многообразия. Утверждение неизбежно содержит в себе отрицание, и именно в этом смысле бытие и ничто представляют единство (Enz. S. 110). У Зенона парменидовское «одно» выступает как непрерывность, в которой должны исчезнуть все границы, различия, точки — всякое вообще движение, все реальное: время и пространство абсолютно непрерывны и, следовательно, бесконечно делимы; нет момента в делении, на котором можно было бы сделать остановку. Вот почему... Ахиллес никогда не может догнать черепаху.

Все эти старые проблемы были по-новому поставлены в немецком идеализме в процессе его развития от Канта к Гегелю. Противоречие между одним и многим встало у Канта как противоречие между мышлением и бытием. Гегель разрешил это противоречие в порядке ясного сознания отрицательной природы мысли, выступающей в противоположности бытию, в порядке узаконения отрицания и связанного с ним противоречия, притом не только как противоречия, наличного в мысли, но и как противоречия, наличного в бытии. Гегель установил, что обнаруживающая в себе противоречие мысль вовсе не обращается в иллюзию, как думал Кант, но остается сама собой и при этом обогащается *новым содержанием*. Необходимость преодолевать противоречия поднимает (aufhaben) мысль на все большую и большую в смысле заполненности конкретным содержанием высоту. Противоречие обнаруживает *ограниченность*, заключенную в каждом данном конечном определении, и побуждает мысль к дальнейшему движению. Отрицание данного определения не означает у Гегеля уничтожения его всего целиком. Оно, это отрицание, есть лишь отрицание его ограниченности — конечной его стороны. Акт отрицания есть движение мысли к иному, *положительное утверждение иного содержания*, находящегося в противоречии с тем, что утверждалось прежде. *Отрицание не есть отрицание вообще*, но *отрицание определенной вещи*. Отрицание обладает, по Гегелю, определенным содержанием; оно есть новое и притом более богатое и высокое понятие по сравнению с ему предшествовавшим (Log. I, S. 36). Через отрицательное создается новое положительное. Диалектика есть «двигающая душа научного развития и принцип, через который имманентная взаимозависимость входят в состав содержания науки, достигающей таким образом истинного, а не внешнего лишь возвышения над областью конечного» (Enz. 81, S. 105). Противоречие двигает мысль за пределы конечных определений, представляет беспокойство мысли, принцип движения [6].

Мысль должна осознать это «заранее в ней данное отрицание, которое она содержит в себе» и которое в силу своей определенности означает противопоставление данной первоначально «непосредственно» открывшейся стороны объекта другой его стороне.

Не выходя за пределы первой триады гегелевской логики, мы можем установить, что она, начавшись элеатами, заканчивается Гераклитом [7]. Объективизмом этого мыслителя проникнуто гегелевское *становление*, что Гегель отлично знает и с ясным сознанием утверждает.

«Нужно различать, — говорит мыслитель, — троякого рода диалектику:

а) внешнюю диалектику, представляющую беспорядочное рассуждение, в котором не растворяется душа вещей;

б) имманентную диалектику предмета, пребывающую, однако, в размышлении субъекта;

в) объективность Гераклита, понимающую диалектику как первоначало.

У Парменида и Зенона действовал только абстрактный рассудок. Гераклит же, перейдя от бытия к *становлению*, раскрыл первое конкретное, абсолютное как единство противоположностей в нем самом (Ист. фил. I, с. 246).

«Нет ни одного положения Гераклита, которого я не принял бы в мою логику», — говорит далее Гегель. Но это относится прежде всего к утверждению, что «*бытие и небытие есть одно и то же, все и есть и не есть*». Оно значит одновременно у Гераклита, что «*все течет*, ничто не пребывает и никогда не остается тем же». Гегель выражает ту же мысль словами: «Абсолютное есть единство бытия и небытия». Что касается *становления*, то оно есть истина бытия, ближайшее определение того же принципа (Там же, с. 249).

Гераклит был первым мыслителем, открывшим становление, единство противоположностей [8]. «Принцип философии Гераклита, — говорит Гегель, — существен и находится в моей логике, в самом начале, тотчас же после бытия и ничто» (с. 250).

Но у Гераклита становление было лишено всяких субъективных смысловых придатков. Его диалектика объективна, учит Гегель. У великого эфесца «момент отрицательности имманентен, а вокруг этого вращается понятие всей философии». Положительное и отрицательное суть моменты в некотором всеобщем процессе, который не есть уже абстрактное одно, а *деятельность*, самораздвоение на противоположности. *Одно* Парменида, *непрерывность* Зенона — то, что у Гегеля выражено в первой логической категории, приведено у Гераклита в движение. Но как только движение началось, в едином тотчас же определились моменты, а в непрерывности обозначались точки, границы. Аристотель, прошедший как школу мысли Зенона, так и школу Гераклита, уже мог в опровержение парадокса об Ахиллесе и черепахе сказать: «...быстроходный все же догонит медленного, если будет дозволено преступить границу» (Там же, с. 240).

Единое Парменида и непрерывность Зенона остаются, по Гегелю, истинными понятиями (ими ведь по настоящему начинается философия!), но на них нельзя останавливаться. От Парменида и Зенона Гегель совершает переход к Гераклиту и проникается его объективизмом, его *беспокойством*. Становление говорит о безудержном беспокойстве. У Гегеля это беспокойство есть, прежде всего беспокойство мысли, связанное с ее отрицательной природой. Он указывает на боязнь пустоты, говорит о поисках положительного содержания, и притом содержания полного, всеохватывающего, что исключает возможность упорства на утверждении именно «этого», отнюдь не «другого», на утверждении «этого» как законченного, не нуждающегося в дальнейших определениях. Беспокойство мысли есть для Гегеля вопрос о конкретизации самого бытия, которое в своей основе также полно беспокойства.

Гегель присоединяется к Гераклиту, когда тот выражает свое первосущее, свой «поток» в категории «время». «Время есть чистое становление, как созерцаемое, чистое понятие, простое, которое, состоя из абсолютных противоположностей, гармонично» (с. 252). Больше того, Гегель согласен принять и основное определение натурфилософии Гераклита — его знаменитый «огонь», но — как метаморфизирующее начало. Гераклитовский огонь есть, по Гегелю, «*физическое* время», абсолютное беспокойство, абсолютное разрушение существования: «гибель другого, но вместе с тем также и его самого» (с. 253).

Осознав свое «заранее в ней данное отрицание», мысль, по Гегелю, может управлять собою, ограничивать свою абстрактную природу, становиться таким образом «действительным, объективно сущим субъектом» (Log. II, S. 497). Становление есть у Гегеля результат этого *второго* отрицания, т. е. отрицания первоначального ухода мысли от мира, а следовательно, и отрицания домировой и надмировой силы, которая теперь растворяется в возникновении и уничтожении. Это — ход мысли, изображенный у Гете, заставившего своего Фауста, который взял за точку отправления «слово», прийти к категорическому выводу: «вначале было *дело*».

Отправляясь от мысли, как от всеобщего универсального начала, Гегель переносит ее определения в объективный мир. Так формы отрицания становятся у Гегеля законами развития мира. «Нет ничего, что не было бы средним состоянием между бытием и ничто», — заявляет Гегель (Log. I, S. 391). Или, как говорил еще Платон в Софисте, сущее причастно в одно и то же время как бытию, так и небытию (Ист. филос. II, с. 176). Определенность всякого наличного бытия есть, по Гегелю, результат действия вошедшего в него отрицания (Log. I, S. 96—97). Определенность есть отрицание, положенное в утвердительной форме (Log. I, S. 100), т. е. отрицание данной вещи в форме утверждения *другой*. В отрицании, когда оно относится к объективному бытию, всегда есть, таким образом, момент от мысли, определяющей бытие, отграничивающей одну его форму, один его вид, одно его состояние от других. Необходимо ясно осознать, что отрицание выражает

первоначально у Гегеля *положенность бытия и мысли* и, взятое само по себе, остается отношением мысли к бытию, абстрактным его определением. В отрицании преобладает поэтому момент чисто внешнего отношения субъекта к объективности. Акт суждения «это животное», т. е. не человек, не растение и прочее, есть акт полагающего субъекта, а не объективность в ее непосредственности. Диалектика, не выходящая за пределы отрицания, есть субъективная диалектика, или диалектика субъективных оценок.

Субъективная диалектика отлично мирится с формальной логикой, в которую она вносит только некоторое движение. По словам новейшего представителя этой субъективной (или «критической») диалектики, последняя «не могла бы сделать ни шагу вперед» без признания формально-логического закона противоречия. Для критической диалектики вопрос ставится лишь о том, чтобы «ограничить этот закон», «устранить из него момент строгой зафиксированности, свойственную ему тяжелую неподвижность» [9]. Для субъективной диалектики характерно утверждение, что диалектика есть «отношение, выступающее в мышлении», что «вне мысли диалектика немыслима, а жизнь вне мысли есть жизнь, проходящая вне диалектики». При этом объект («жизнь») мыслится отделенным от субъекта, противостоящим ему, оказывающим постоянно «сопротивление» [10]. По словам другого представителя «критической» диалектики, она в «я» начинается и к «я» возвращается [11]. Диалектика в этой ее постановке есть не процесс развития, а своеобразная *точка зрения* на предмет — нечто, самому предмету не причастное, — точка зрения, помогающая раскрытию связей, а в конечном итоге — устранению противоречий. Каждый достигнутый диалектический синтез представляется не более как «другим тезисом» (Heterothesis), помогающим ориентироваться в массе разнообразных явлений объективного мира [12].

Гегель не остается на позициях этой диалектики, «прибывающей в размышлении субъекта», стремится к «объективности Гераклита», причем, однако, и субъект отнюдь не исчезает из диалектического процесса.

«Бытие» перешло в «становление». Но этот переход есть в своем существе *переход отрицания в отрицание отрицания*. Все острие вопроса заключается в том, что в противоположностях предметы едины. Отрицание необходимо содержит в себе отрицаемое, происходит от него, заключает в себе существенную часть его содержания. В свою очередь, отрицаемое стоит в определенном отношении к своему отрицанию. Оно отрицает его — отрицает, поскольку представляет собою «нечто», поскольку имеет какую-то действительность. Вопрос об отрицании отрицания есть уже вопрос об *объективности*, но не о мертвой, неподвижной, а о живой, — об объективности становления, т. е. возникновения и уничтожения. Самый термин «отрицание отрицания» свидетельствует о тяжелой борьбе отвлеченной мысли за преодоление своей субъективности, за «объективность Гераклита».

Но отрицание отрицания есть у Гегеля еще самая общая формула развития, совершающегося в борьбе противоположностей, — самое еще общее указание на наличие объективно необходимых путей перехода от низших форм жизни к высшим. Мы видим, что значение отрицания отрицания отнюдь не исчерпывается заменой одного определения другим, т. е. внешним переходом к новому определению. Весь смысл отрицания отрицания состоит именно в том, чтобы внешняя определенность стала внутренней, чтобы отрицание, ставшее моментом в объективном процессе, было усвоено и преодолено. Отрицание отрицания есть отрицание, осуществляющее свое единство с объективностью и исчезающее вместе с ее преобразованием. Отрицание отрицания есть процесс преодоления отрицания «изнутри», т. е. именно так, как мысль у Гегеля во «втором» отрицании отрицает свое «первое» отрицание.

Всякое нечто, для того чтобы быть, должно, по Гегелю, освоить свое отрицание, чтобы затем, в порядке отрицания отрицания, перейти к высшей форме. Энгельс дал в «Анти-Дюринге» ряд примеров отрицания отрицания.

«Если ... ячменное зерно ... попадет на благоприятную почву, то, под влиянием теплоты и влажности, с ним произойдет своеобразное изменение: оно прорастет; зерно, как таковое, перестает существовать, подвергнется отрицанию; на его место появляется выросшее из него растение — отрицание зерна».

«Процесс этот совершается у большинства насекомых, например у бабочек. Они развиваются из яичка путем отрицания его, проходят через различные фазы превращения до половой зрелости, спариваются и вновь отрицаются, т. е. умирают, как только завершился процесс воспроизведения...»

«Далее, вся геология представляет собой ряд отрицаний, подвергшихся в свою очередь отрицанию, ряд последовательных разрушений старых и отложений новых горных формаций...»

«То же самое мы видим в математике. Возьмем любую алгебраическую величину, обозначим ее a. Если мы подвергнем ее отрицанию, то получим — a (минус a). Если же мы подвергнем отрицанию это отрицание, помножив $-a$ на $-a$, то получим $+a^2$, т. е. первоначальную положительную величину, но на более высокой ступени, а именно во второй степени».

«Не иначе обстоит дело и в истории... У всех народов, перешагнувших уже через известную ступень первобытного состояния, эта общая собственность становится в ходе развития земледелия оковами для производства. Она уничтожается, подвергается отрицанию и, после более или менее долгих промежуточных стадий, превращается в частную собственность. Но на более высокой ступени развития земледелия... частная собственность, наоборот, становится оковами для производства... Отсюда с необходимостью возникает требование — подвергнуть отрицанию теперь уже частную земельную собственность, превратить ее снова в общую собственность» [13].

Истина становления раскрывается у Гегеля как истина отрицания отрицания, которая есть утверждение жизни в более высокой форме и представляет как таковое «абсолютную отрицательность» (Ист. филос. I, с. 226).

Отрицание отрицания выглядит как абстракция, и небезызвестный Дюринг характеризовал отрицание и отрицание отрицания как «кудреватые хитросплетения» и «арабески мысли», как «диалектические чудеса для верующих»... Гегель, правда, говорил о том, что отрицание есть «грехопадение», а отрицание отрицания — «искупление», но было бы чистой мистификацией утверждать, что эти таинственные категории взяты Гегелем из области теологии [14]. На самом деле Гегель и на этот раз угадывал некоторые важнейшие тенденции и процессы.

Отрицание не есть чистая субъективность. Его объективная природа вне сомнений, хотя оно как объективность еще односторонне.

Отрицание было принесено в историю буржуазными революциями, и буржуазия была повсюду его первым носителем. Весь добуржуазный хозяйственный и политический строй со всей его идеологией явился для выходившей на историческую арену буржуазии предметом отрицания. В порядке философского обобщения можно сказать, что эпоха буржуазии была эпохой отрицания. Буржуазия есть отрицание, и гений ее — Мефистофель. Все специфически буржуазное в области хозяйственных и политических отношений представляет собою отрицание феодальных отношений. Буржуазный индивидуализм есть не более как отрицание феодализма, сословного строя, государственного абсолютизма. Следует, однако, отметить, что отрицание это, бывшее некогда революционным, осуществляло себя в дальнейшем только как бесконечное отрицание. Само дело буржуазии было делом атомизации, бесконечного дробления жизни, уничтожения личных, конкретных отношений между людьми, формализации этих отношений, превращения их в абстрактные.

Отрицание — логическая форма капиталистического способа производства. Движение же к социализму через диктатуру пролетариата есть движение, логической формой которого служит отрицание отрицания.

Отрицание отрицания есть «весьма общий и именно потому весьма широко действующий и важный закон развития природы, истории и мышления» [15]. Этот закон был гениально угадан Гегелем и введен им в состав диалектики как необходимый ее элемент.

Гегель, конечно, не заметил того, что его отрицание отрицания означает в переводе на конкретный язык не «искупление» а «экспроприацию экспроприаторов», которая, впрочем, есть тоже своего рода «искупление». Так или иначе, но перед нами открываются *исторические* элементы гегелевской диалектики. За абстрактными обозначениями скрываются противоположности бытия и сознания грандиозных исторических циклов. Отрицание выступает первоначально как отражение эпохи господства буржуазии. Но отрицание

приходит с необходимостью к той высшей стадии своего развития, на которой оно само с неизбежностью подвергается отрицанию. Это — отрицание отрицания — общий закон диалектического развития, который относится и к природе и к обществу, но вся острота которого особенно сказывается в области развития форм социальной жизни. Здесь, в этой области, проблема гегелевского «отрицания отрицания» встала как проблема неизбежного крушения капитализма, и притом через его же собственное развитие. Вопросы логики и феноменологии, переведенные на конкретный язык, поставленные практически, явились вопросами о путях развития капитализма и о переходе к социализму.

Так было переведено на конкретный язык «отрицание отрицания», так логическая абстракция выступила в единстве с конкретностью. В области теории познания это означало также отрицание гегелевской постановки философии «на голову», отрицание понятия как «демиурга действительности». «Первое» гегелевское отрицание отрицается и в теории познания: оно рассматривается как отражение реального процесса исторического развития...

ДИАЛЕКТИКА И СПЕКУЛЯТИВНОЕ МЫШЛЕНИЕ

«Логически реальное» имеет, говорит Гегель, три стороны: а) абстрактную, или рассудочную, б) диалектическую, или отрицательно-разумную, и в) спекулятивную, или положительно-разумную (Enz. 79).

Мышление как рассудок не идет далее утверждения неподвижной определенности и ее отличия от другой определенности (§ 80). Мышление как диалектика представляет отрицание этих отличий, переход одной определенности в другую (§ 81). Но остается еще положительное *утверждение* единства определений и их противоположности, утверждение разрешенности противоречий, перехода к синтетическому единству. Эту функцию *положительного* утверждения выполняет у Гегеля *спекулятивное мышление* (§ 82).

Эти краткие указания, данные Гегелем в Энциклопедии, облегчают нам возможность выяснить логическую структуру гегелевской идеалистической диалектики.

Исходный пункт составляет, как видим, вопрос о «логической реальности», которая как «реальность» есть «чистое мышление», область абстракции. Эта «логическая реальность» и лежит в основании спекулятивного мышления.

Диалектическая, или «отрицательно-разумная», сторона есть движение абстрактного мышления — момент отличия каждой отдельной абстракции («бытия», «ничто», «наличного бытия» и т. д.) от самой себя и тожество ее с другой абстракцией.

Задача спекулятивного мышления заключается в том, чтобы *держать* это единство движущейся абстракции, утверждая противоположности определений и их единство, разрешая противоречия и т. д. Спекулятивное мышление — мир самодвижущейся

абстракции, «царство мысли», «полагающей» свой собственный мир, но не «мир идей», отличный от «мира вещей», а «мир вещей» в их абстрактной всеобщности.

«Спекулятивное мышление, — говорит Гегель, — состоит исключительно лишь в том, что мышление удерживает противоречие, а *в нем самого себя*» (Log. II, S. 59—60). Гегель желает подчеркнуть, что спекулятивное мышление владеет противоречием, является его господином. Представление боится противоречия. Испытывая колебание перед ним, оно бросается под его воздействием из одной крайности в другую: то́, что представлялось «высоким», представляется затем «низким»; то́, что казалось «громким», оказывается «тихим» и т. д. Под впечатлением противоречия представление моментами исчезает совсем — вместе, например, с исчезновением зрительного или слухового образа. Под страхом противоречия живет и формальное мышление. Оно останавливается в своем действии тотчас же, как только выяснена невозможность устранить открывшееся противоречие. Определения спекулятивного мышления в отличие от представлений формального мышления не меняются и не исчезают под воздействием противоречия, но сохраняются в бесконечном единстве мысли. «Природа спекулятивного мышления, — подчеркивает Гегель, — состоит в понимании единства противоположных моментов». В каждом из противоположных моментов обнаруживается в спекулятивном порядке противоположность другому и возвращение в этой противоположности к себе. Положительная истина есть для Гегеля «самодвижущееся единство», это сочетание противоположных мыслей в его бесконечности (Log. I, S. 142). Положительная истина выступает как истина, утверждаемая силою мысли. Мы уже видим, в чем она состоит: положительная истина есть сочетание противоположных моментов, самый процесс движения этой противоположности. Спекулятивное мышление спокойно принимает противоречие, принимает его как разумное, разрешаемое тут же в мышлении и никак не разрешаемое на практике. «Положительная истина» — это «спекулятивное понятие», которое есть «единство противоположностей в нем самом» (Ист. филос. I, с. 246).

Учение Гегеля о спекулятивном мышлении и спекулятивном понятии усваивается легче всего со стороны заключенной в нем полемики. Выдвигая эту «третью» сторону «логической реальности», Гегель выступает за положительность против отрицания. При этом «положительность» должна составить «исторически» «прямое продолжение» отрицания (Eng. 79). Мы слышим здесь намеки на Великую французскую революцию и ее идеологов.

«Утвердительная истина» Гегеля есть абстрактное выражение его знаменитой формулы «разумное действительно, и действительное разумно». Гегель *стремится* создать положительное, показать спекулятивным образом нечто практически важное. Дело спекулятивной мысли есть, по Гегелю, дело творческое — дело не отрицания только, а созидания. Учение это направлено полемически

против субъективного идеализма и его диалектики бесконечного отрицания. Спекулятивное мышление Гегель противопоставляет «резонерствованию», т. е. движению субъективного рассудка, совершающемуся лишь *по поводу предмета*, а не в *нем* самом (Ист. филос. I, с. 150). Спекулятивная диалектика Гегеля есть диалектика, обращенная к положительному, стремящаяся отразить движение, совершающееся в самом предмете, ищущая «объективности Гераклита»... Спекулятивная диалектика Гегеля есть *диалектика «относящегося к себе отрицания»*, имеющая своей главной задачей открытие и определение процессов саморазвития, проходящих «внутри» вещей, — открытие и определение силою мысли чистого сущностного движения, его *отражений и видимостей*. Спекулятивная диалектика есть диалектика, ищущая положительной истины *внутри* предметов, и вместе с тем эта диалектика есть диалектика, уходящая от подлинного предмета в сферу существующей «для себя» чистой мысли. Спекулятивная диалектика представляет любопытное отражение процесса, в котором мысль подходит к предмету, соприкасается с ним и вместе с тем уходит от него, утверждая и отрицая реальное одновременно. Спекулятивная диалектика стремится быть единством противоположностей бытия и мысли, «сочетанием» этих «обеих мыслей», бесконечности этого сочетания, его «отношением к себе — не непосредственным, а бесконечным» (Log. I, S. 142).

«Положительная истина», которую несет за собой спекулятивная диалектика, есть истина *примирения* с противоречием, даже своеобразного любования им. Спекулятивное мышление помнит свои противоположности и противоречия, созерцает их, созерцает, как говорит Гегель, «развитие идеи как собственную деятельность ее разума» (Richt 31). В своем последнем, законченном выражении спекулятивное мышление есть мышление, созерцающее мировые противоположности противоречия, прислушивающееся «к голосу предмета, к музыке идей» (Gl. u Wiss). Словом, спекулятивное мышление есть мышление, *«своеобразно сочетавшееся с созерцанием»* [16]. Утверждая в этой своей созерцательной деятельности непосредственную положительность мирового диалектического процесса, воспринимая противоречия этого процесса в их непосредственности, спекулятивное мышление обращается в мистику.

В этой связи любопытно отметить заявление самого Гегеля о его отношении к мистике.

«Это название (т. е. мистика) применялось чаще всего, — говорит Гегель, — когда речь шла о религиозном сознании и его содержании». «Когда в наше время говорят о мистике, то обыкновенно употребляют это слово в смысле таинственного и непонятного, и, смотря по характеру полученного образования и образу мыслей, одни смотрят на мистику как на нечто подлинное, как на истинное познание, а другие видят в ней суеверие и обман...» Относительно этого понимания мистики мы должны раньше всего заметить, что мистика, несомненно, есть нечто таинственное, но она таинственна лишь для рассудка, и это просто потому, что принципом рассудка

является абстрактное тожество, а принципом мистики (*как синонима спекулятивного мышления* [17]) — конкретное единство тех «определений, которые рассудком признаются истинными лишь в их раздельности и противоположности». «Все разумное мы... должны вместе с тем называть мистическим; но этим мы высказываем лишь то, что оно выходит за пределы рассудка, а отнюдь не то, что оно должно рассматриваться вообще как недоступное мышлению и непостижимое» (Энцикл. рус. пер., I, с. 141—142).

При оценке значения спекулятивного момента в диалектике Гегеля нельзя, однако, упускать из виду, что этот момент теснейше связан у него с другой стороной диалектики — с отрицанием. Поэтому наряду с отмеченным отожествлением спекулятивного мышления с мистикой Гегель склонен также противопоставлять «спекулятивное мистическому» [18]. «Созерцание» обращено у Гегеля не на стоящий вне мысли, вне субъекта объект. Это «созерцание» «прислушивания» обращено на само движение мысли, вмещающей в себе все определения бытия. «Прислушивание» «к голосу предмета, к музыке идей» есть с этой точки зрения прислушивание отдельного субъективного сознания к тому, что совершается в логическом движении мысли, т. е. к ритму развития, к его аккордам — единствам противоположностей. Гегелевское «созерцание» есть в этом смысле самосозерцание или «самоинтуиция», как любит выражаться глава современного неогегельянства Кронер. Это — уверенность мысли в себе, в своем методе; это — утверждение логики субъекта, понятия, стремление познавать в понятии, утверждение мира понятия. Оценивая спекулятивный момент гегелевской диалектики, мы должны указать, что Гегель уводит при посредстве этой своей спекулятивности философию в себя, замыкает ее в системе, создает этим самым особый мир, противостоящий реальному миру. Это — законченность движения его мысли в область абстракции. Законченность отрицания первоначальной непосредственности. Это есть вместе с тем тот момент в философии Гегеля, который выдвигается на первый план в современной неогегельянской литературе.

В эпоху, непосредственно следовавшую за Гегелем, наиболее важным моментом был еще момент отрицания — вопрос о защите «прав разума» против мистического познания. Эта задача стала в качестве главной в борьбе гегельянцев с Шеллингом и романтиками. Борьба эта велась отвлеченно, «чисто философски», и вопрос о Гегеле был вопросом о «логической истине». В течение многих десятилетий Гегель воспринимался в буржуазной литературе как философ, которому менее, чем кому-либо другому, свойственны внутренние противоречия. Многогранность мыслителя осталась не замеченной как его учениками и друзьями, так и противниками. Философию Гегеля излагали так, как будто это система, высеченная из одного целостного исторического пласта. То, что Гегель «стоял между эпохами» и сочетал в себе разные исторические тенденции, было упущено историками его философии. Вели-

ко поэтому было удивление, когда Вильгельм Дильтей «открыл» в Гегеле мистика и романтика [19].

Дильтей изучил и впервые изложил ранние гегелевские труды. Под его пером юный Гегель, мыслитель *«конкретный»*, выступил против Гегеля зрелого, *панлогиста*. Гегель выступил против Гегеля, и как раз в момент поворота сознания европейской буржуазии к мистике и романтике.

Развитие интереса к мистической стороне философии Гегеля шло, однако, не очень быстро. В предвоенное время дальнейшие шаги в этом направлении были сделаны в русской литературе, где проявилось на почве эмпиризма и гуссерлианства стремление к изображению Гегеля в качестве эмпирика и интуитивиста.

Первый шаг в этом направлении сделал, кажется, Лосский, который характеризовал Гегеля как «мистического эмпириста» [20]. Дальнейшее движение в этом направлении исходило от Ильина, поставившего себе задачей умалить значение диалектики у Гегеля, «восстановить природу философского акта,. осуществленного Гегелем», — доказать, что «сила Гегеля — в героически осуществленном интуитивном познании предмета» [21], что по методу *своего философствования* Гегель должен быть признан не «диалектиком, а интуитивистом, или, точнее, интуитивно мыслящим ясновидцем» [22]. Ильин приводит множество цитат из Гегеля, которые должны доказывать, что Гегель мыслил диалектический процесс, совершающийся в идеализированном «предмете», что диалектика есть в этом смысле «объективное обстояние» [23]. Тожество субъекта и объекта состоит с этой точки зрения «в победе объекта над субъектом, или, вернее, в добровольном стушевывании, самоуправлении субъекта, как такового, перед имеющим открыться ему „объективным состоянием"». В подтверждение правильности такого понимания тожества приводятся вперемежку с характеристиками автора слова самого Гегеля о субъекте как начале «„всякой" конечности, своеобразия, особливости, зависимости, единичности, партикуляризма, случайности и своекорыстия». При этом оставляются в стороне такие прямые указания Гегеля, как то, что в спекулятивном суждении совершается не только слияние субъекта с предикатом, но и обратный процесс — возврат субъекта к себе либо преобразование в субъект предиката (Phän. 42—43). В результате Гегель предстает перед нами не как преемник Канта и Фихте, а как один из представителей школы Гуссерля — мыслителя, как известно, совсем не диалектического. Гегель — поэт «напряжения понятия» — оказывается смиренным созерцателем «объективных обстояний». Гегель, который субстанцию превратил в субъекта, изображен как мыслитель, только и занятый вопросом о «самоуправлении», или о «добровольном стушевывании» субъекта. Гегель, разошедшийся с Шеллингом как раз на вопросе об интуитивном познании, оказывается, не знал природы собственного философского акта, не подозревал, что «пистолетные выстрелы» интуитивизма (Phän. 19) суть акты, к которым причастно и его собственное познание [24].

Работа Ильина представляет яркую, последовательно осуществленную попытку платонизировать и шеллингизировать Гегеля, а одновременно попытку обезвредить самое опасное, с точки зрения интересов буржуазии, что заключает в себе философия Гегеля, — его революционный метод [25].

В послевоенное время эта линия обращения Гегеля в «созерцателя» проводится и в немецкой философской литературе. Идеи спекулятивной диалектики ложатся в основу целой философской школы неогегельянства, возглавляемой Рихардом Кронером, и на первый план выдвигается вопрос об «иррациональном».

Кронер объявляет Гегеля «величайшим иррационалистом, какого только знает история философии». По Кронеру, «Гегель — иррационалист, так как он приводит иррациональное в действие в самом мышлении, так как он иррационализирует самомышление, показывая, правда, с другой стороны, именно через иррационализирование, свойственную иррациональному рациональность». «Он — иррационалист, так как учит, что понятие движется и что это самодвижение понятия... включает в себя его саморазрушение». «Гегель — иррационалист, так как он диалектик, так как диалектика есть у него сам рационализированный иррационализм, обращенный в метод, так как диалектическое мышление есть мышление рационально-иррациональное» [26].

Вслед за Кронером Глокнер, пытаясь проникнуть в «тайну гегелевского опосредствования», видит главное в формуле «рационально-иррациональное вместе» [27].

Практический смысл этих установок довольно прозрачен. «Иррационализировать» диалектику — значит освободить ее от «логической истины», от идеи закономерного развития, объявить противоречия объективно неразрешимыми. Наиболее последовательным представителем этой линии является Джентиле, который, «актуализируя» гегелевскую диалектику, исключает из нее все логическое и все объективное. В этом состоит процесс фашизации Гегеля, замеченный и отмеченный в нашей литературе [28].

Кажется, однако, что усилия эти напрасны. Альфред Розенберг, никак не связанный с классической немецкой философией и вообще с философией, но зато вполне компетентный в идеологических запросах фашизма, решает вопрос совсем иначе. Для него Гегель есть попросту «этот Гегель», который сказал, что логика есть учение о боге, и этим самым «ударил кулаком в северное лицо истинно германской, а одновременно и истинно греческой науки...» [29]. Своим он признает Шопенгауэра. Отмечая свои отдельные расхождения с последним, Розенберг тем не менее решительно заявляет: «Шопенгауэр — наш» [30].

[1] См.: *Haering T.* Hegel, Sein Wollen und sein Werk. Leipzig; B.; Teubner, 1929.
[2] *Плеханов Г. В.* Соч. М.; Л., 1924. Т. 7. С. 44.
[3] *Glockner H., Hegel G. W. F.* Sämtliche Werke / Ed. H. Glockner. Stuttgart, 1927—1929. Bd. 1—20. S. 56.
[4] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 393.

[5] Сочинения Платона / Рус. пер. Карпова. М., 1879. Т. VI. С. 273 и след.
[6] Ср.: *Cohn I.* Theorie der Dialektik. L., S. 41.
[7] Трудно понять, почему Stace (см.: *Stace W. T.* The philosophy of Hegel. L., 1924. P. 460), уделяя внимание значению для Гегеля Парменида, Платона, Аристотеля, совершенно оставляет в стороне Гераклита.
[8] Особенно см.: *Lassale F.* Die Heraklitos des Dunklen von Ephesos, B., 1858. S. 162. «Er ist im hochsten Sinne des Worts Erfinder, weil ihm ein neuer, vor ihn noch nicht dage werener-Gedanke aufgegangenist; die begriffene Idee des Werdens, die prozessiea rende Einheit dessich Entgegengesetyten».
[9] См.: *Cohn I.* Op. cit. S. 133.
[10] Ibid. S. 168, 135.
[11] Die Dialektik in der Philosophie der Gegenwart. B., 1931. Bd. 2. S. 11.
[12] Ibid. S. 8—9.
[13] *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 138—142.
[14] См.: Там же. С. 133 и след. Из того, что, по Гегелю, одной из форм отрицания отрицания является уголовное наказание, нельзя ведь делать заключение, что отрицание отрицания выведено философом из уголовного права!
[15] Там же. С. 145.
[16] Курсив наш.
[17] См.: *Ильин И. А.* Философия Гегеля как учение о конкретности бога и человека. М., 1918. Т. 1. С. 40.
[18] См.: Sämtliche Werke. Leipzig, 1923. Bd. 3, 4; Lasson G. Eintung (Log.). S. LXVIII.
[19] *Diltey W.* Die Jugendgeschichte Hegel's. Ges. Schriften. IV // Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften in Berlin. B., 1905.
[20] *Лосский Н. О.* Обоснование интуитивизма. 2-е изд. СПб., 1908. С. 159 и след. Ср.: *Дебольский Н. Г.* Русский перевод «Науки логики». Кн. 2. С. 316. «Гегель опровергает всякий интуитивизм, т. е. как эмпиризм, так и мистицизм, философию веры, откровение внутреннего усмотрения и т. д. . . . Именно на опровержении интуитивизма Гегель разошелся с Шеллингом».
[21] *Ильин И. А.* Указ. соч. Т. 1. С. 48.
[22] Там же. С. 121.
[23] Там же. С. 120.
[24] Осторожным предшественником Ильина в такой трактовке Гегеля был в Германии Rud Eucken (*Eucken R.* Die Lebensanschauungen der grossen Denker. L., 1909. S. 460), который считал, что в философии Гегеля совершается конкуренция обоих указанных моментов (диалектики и интуитивизма).
[25] О том, что работой Ильина о Гегеле интересовался В. И. Ленин (1920—1921), см. указание В. Адоратского: *Адоратский В.* О философских работах Ленина // Ленин В. И. Философские тетради. М., 1933. С. 9.
[26] *Kroner R.* Von Kant bis Hegel. Tübingen, 1921—1924. Bd. 2. S. 271—272.
[27] *Glockner H.* Hegel und seine Philosophie. Heidelberg, 1931. S. 49.
[28] См.: *Митин М. Б.* Гегель и теория материалистической диалектики // Гегель и диалектический материализм. М., 1932. С. 79; *Аржанов М.* Гегельянство на службе германского фашизма. М., 1933.
[29] *Rosenberg A.* Mythus des 20. Jahrhunderts. B., 1930—1933. S. 287.
[30] Ibid. S. 342.